

А. Д. Прошляков,
Ю. В. Козубенко

ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ УМЕРШИХ

Производство по уголовным делам в отношении умерших приобретает все большую актуальность, однако действующий уголовно-процессуальный закон не дает четкого определения процессуального статуса таких участников уголовного судопроизводства. Единственное упоминание о них содержится в п. 4 ч. 1 ст. 24, а также в ч. 8 ст. 42 и ч. 2 ст. 318 УПК РФ, да и то в связи со смертью потерпевшего и частного обвинителя. Структура состава преступления, разработанная в уголовном праве, диктует координацию соответствующих элементов в структуре предмета доказывания, предусмотренного в ст. 73, 421, 434 УПК РФ.

В настоящей статье рассматриваются соответствие и взаимодействие этих элементов в рамках юридической конструкции межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования, а также вопросы процессуального правопреемства умерших, возможность производства по уголовному делу в отношении умерших обвиняемых, подозреваемых, вопросы осуждения умерших по приговору суда, реабилитации умерших участников уголовного судопроизводства. Авторы приходят к выводу, что уголовное преследование умерших недопустимо. Кроме того, уголовное преследование в любом случае должно осуществляться в отношении деяний, совершенных в обозримом прошлом, а вопросы истории ни в коем случае не должны становиться предметом уголовного разбирательства.

Ключевые слова: уголовное преследование, умершие, реабилитация умерших, процессуальное правопреемство, состав преступления, предмет доказывания по уголовному делу

Многие отечественные ученые-процессуалисты признают, что материальные и процессуальные уголовные отношения имеют разное содержание. При этом отмечается, что процессуальные отношения направлены на установление материальных [Горский, Кокорев, Элькинд 1978: 7–18; Шпилев 1974: 72], что по большому счету укладывается в конструкцию механизма уголовно-правового регулирования. Реальное общественное отношение между преступником и потерпевшим, представленным компетентными органами государственной власти, имеет и процессуальный, и материальный аспект, а иными словами, попадает и в материальную, и в процессуальную сферу правового регулирования.

В связи с этим юридические конструкции, выработанные в праве материальном и направленные на познание элементов уголовно-правовых отношений, предопределяют конструкции в праве процессуальном. Основными взаимосвязанными конструкциями выступают состав преступления и предмет доказывания по уголовному делу.

Структура состава преступления, разработанная в уголовном праве, диктует построение элементов предмета доказывания, предусмотренного в ст. 73, 421, 434 УПК РФ. Рассмотрим соответствие и взаимодействие этих элементов

в рамках юридической конструкции межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования [Козубенко 2018].

По общему правилу, субъектом преступления в уголовном праве является вменяемое, достигшее установленного уголовным законом возраста уголовной ответственности физическое лицо (ст. 19 УК РФ). Точного аналога в конструкции предмета доказывания мы не найдем. Кроме того, в структуре общего предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) нет возраста и вменяемости обвиняемого (подозреваемого). Только при обращении к особым порядкам уголовного судопроизводства (гл. 50, 51 УПК РФ) возраст несовершеннолетнего и наличие у лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, психических расстройств в момент совершения деяния выступают в качестве дополнительных обстоятельств, подлежащих установлению. Можно сделать вывод: пока у органов предварительного следствия и суда не возникнут сомнения в возрасте или вменяемости обвиняемого, они у него презюмируются.

Между тем уголовно-процессуальный закон вводит большой формализованный перечень требований, предъявляемых к субъекту преступления. Неустановление некоторых из них может привести к фактическому «поражению»

следствия, как это, например, бывает в случае неустановления или ошибочного установления анкетных данных лица (когда лицо не сообщает свои фамилию, имя, отчество либо сообщает чужие).

Так, уголовно-процессуальный закон требует во всех процессуальных актах, принимаемых в отношении подозреваемого, обвиняемого, указывать фамилию, имя и отчество этого лица (ст. 146, 147, п. 1 ч. 2 и ч. 3 ст. 174, п. 1 ч. 1 ст. 220, ч. 3 ст. 231, п. 1 ч. 1 ст. 306, п. 1 ч. 1 ст. 308, ст. 318 УПК РФ), а также год, месяц, число и место его рождения (ст. 171, п. 3 ч. 2 ст. 223.1, п. 3 ч. 1 ст. 225, ч. 1 ст. 265, п. 4 ч. 1 ст. 304 УПК РФ). Даже положение ст. 51 Конституции РФ о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, применяется только после установления личности упомянутого лица. В исключительных случаях неустановление личности подозреваемого или обвиняемого является достаточным основанием для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ) или, например, для передачи заявления частного обвинителя руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и производства предварительного расследования (ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ).

Иное противоречило бы цели уголовного судопроизводства – установлению лица, реально совершившего преступление, и опровержению презумпции его невиновности [Уголовный процесс 2016: 59–63]. Вместе с тем лицо, не подлежащее уголовной ответственности, но совершившее запрещенное уголовным законом деяние (ст. 21 УК РФ), в уголовном процессе не может быть обвиняемым или подозреваемым, а получает процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (ст. 437 УПК РФ).

Аналогичной терминологией пользуется Пленум Верховного Суда РФ в п. 7, 10 и 11 постановления от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». Ведь не случайно срок, в течение которого лицу должно быть предъявлено обвинение в совершении преступления, прерывается до получения заключения экспертов в случае помещения подозреваемого в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы (ч. 3 ст. 203 УПК РФ).

Таким образом, если уголовный закон, говоря об основаниях уголовной ответственности, имеет в виду именно самого субъекта престу-

пления, то закон уголовно-процессуальный связывает осуществление уголовного преследования с личностью подозреваемого, обвиняемого, что несколько шире первого. Отчасти поэтому данная ситуация не должна порождать процессуальные препятствия для привлечения этого лица к уголовной ответственности и наказанию. Например, когда в справке о судимости на Иванова указывается: «Он же Сидоров, осужден тогда-то за такое-то преступление», «Он же Петров, осужден тогда-то за такое-то преступление», – то ни у кого из правоприменительных органов не возникает сомнений по поводу продолжения производства в отношении этого лица [Прошляков 1997: 44].

К слову, уголовно-процессуальный закон допускает случаи присвоения участникам уголовного судопроизводства псевдонимов, если они не желают сообщать свои анкетные данные, например, в целях собственной безопасности и своих близких (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Подобные случаи знает и судебная практика. Кроме того, в целях избежания преюдициальности приговора по делу в отношении одного из соучастников и ненарушения презумпции невиновности других соучастников Пленум Верховного Суда РФ в п. 24 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» разъяснил: «С учетом того, что разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, не допускается».

Если дело в отношении некоторых обвиняемых выделено в отдельное производство либо прекращено в связи со смертью, то в приговоре указывается, что преступление совершено подсудимым совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий, но с указанием принятого в отношении них процессуального решения (например, лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство)».

Если предположить, что установление личности обвиняемого является непреодолимым процессуальным препятствием для дальнейшего производства по уголовному делу, то абсурдность ситуации очевидна. Для уголовного закона необходимо установление лишь вменяемости и возраста лица, совершившего преступление, и в то же время ничто не запрещает применить по аналогии ч. 9 ст. 165 УПК РФ или просто не указывать фамилию, имя и отчество виновного, как предлагает делать Пленум Верховного Суда РФ. Иными словами, отсутствие процедуры не прерывает нормативно-логическую формулу механизма уголовно-правового регулирования.

Правда, встречаются и иные примеры, когда в интересах обвиняемых защитники пытаются обосновать перед следователем, принявшим решение о прекращении уголовного дела, что одному из соучастников, являющемуся «общезвестным криминальным авторитетом», необходимо присвоить псевдоним, чтобы не вызывать у присяжных заседателей необоснованного предубеждения при производстве по делам в отношении других соучастников. Однако это не имеет ничего общего с вышеприведенными соображениями, как и сокрытие процессуальных иммунитетов от органов следствия и дознания.

В одном случае последнее – это вопрос действия уголовно-процессуального закона во времени, т. е. в момент обнаружения процессуального иммунитета у подозреваемого, скрывшего данный факт, производство по делу продолжается с учетом процессуальных особенностей его статуса, а доказательства, полученные до этого момента, не признаются недопустимыми. Правда, уголовно-процессуальному закону не хватает положения, аналогичного ч. 2 ст. 5 УПК Украины 2012 г. («Допустимость доказательств определяется положениями настоящего кодекса, действующими в момент их получения»), поскольку допустимость доказательства оценивается и до, и после обнаружения процессуального иммунитета подозреваемого, обвиняемого на разных стадиях уголовного судопроизводства разными субъектами.

В другом случае сокрытие процессуальных иммунитетов – вопрос необходимости устранения пробелов в УПК РФ. Так, при обнаружении признаков преступления, совершенного иностранным гражданином, пользующимся дипломатическим иммунитетом, и отсутствии согласия аккредитующего государства на его привлечение к уголовной ответственности необходимо принимать решение либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о его прекращении при производстве по возбужденному делу, однако таких оснований ст. 24 и 27 УПК РФ не предусматривают. Пока приходится довольствоваться только ссылкой на ст. 3 УПК РФ, являющуюся аналогом ст. 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.

Вместе с тем оригинальность применения уголовного процессуального закона по аналогии в приведенных вариантах приводит к тому, что фактически в отношении установленного лица с неустановленной личностью, а точнее с неустановленным статусом, проводится заочное производство (обвиняемый «уклоняется от суда в зале суда»). Но при возникновении сомнений относительно его возраста или вменяемости, например, при наличии данных

о том, что лицо находилось ранее на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм или странности в поступках и высказываниях, свидетельствующих о возможном наличии психического расстройства, ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ предполагает обязательное назначение судебной экспертизы (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»). Получается своеобразный парадокс: лицо для производства экспертизы вроде бы есть, но одновременно для суда обвиняемый «отсутствует». Однако подобное «отсутствие» или «присутствие» в судебном заседании не отменяет презумпцию вменяемости лица и достижения им возраста уголовной ответственности, которую сторона обвинения в любое время вправе поставить под сомнение.

Уголовно-процессуальный закон знает и другой случай производства в отсутствие обвиняемого, только вот оно связано с совершенно естественным ходом событий – смертью обвиняемого. В этой ситуации тоже действует презумпция его вменяемости, даже если сомнения в этом возникали при его жизни (экспертизу в таком случае провести невозможно), однако органы уголовного судопроизводства не успели это установить. Кроме того, при продолжении производства по такому уголовному делу, когда родственники умершего настаивают на этом в целях его реабилитации, уголовное преследование продолжается, и продолжается оно уже в отношении умершего. Причем совсем не обязательно, что производство по делу завершится его оправданием или прекращением по реабилитирующему основанию, умерший вполне может быть признан виновным, правда, только в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с его смертью (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 1 ст. 254 УПК РФ).

И в том, и в другом случае умерший освобождается от уголовной ответственности (а не от наказания), поскольку ее возложение на него просто нецелесообразно, да и не укладывается в логику формулы межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования [Козубенко 2018: 138]. В связи с этим трудно согласиться с В. З. Лукашевичем, по мнению которого, если в случае смерти обвиняемого основания для вынесения оправдательного приговора не будут установлены, то суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания [Уголовный процесс России 2005: 419]. Кроме того, винить-то некого, приговаривать умер-

ших абсурдно, поэтому в случае «оправдания» следует прекращать производство, т. е. выносить постановление о прекращении уголовного дела по соответствующему реабилитирующему основанию, а не приговор, который предлагает выносить и Конституционный Суд РФ (см. Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 423-О-Р об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Магнитской Натальи Николаевны о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П).

Подобное производство поднимает и еще один важный вопрос – «замены» умершего обвиняемого кем-то другим, т. е. на юридическом языке – правопреемства обвиняемого. Жизнь, например, предусматривает такие варианты: в футболе – скамейка «запасных», в уголовном процессе – запасные присяжные заседатели, но вот насчет «запасных» обвиняемых уголовно-процессуальный закон не говорит ни слова.

Так, по «делу Магнитского» мать обвиняемого, умершего в больнице СИЗО «Матросская тишина», высказалась следующим образом: «А ведь тем временем процесс против моего сына продолжается, его по-прежнему обвиняют в тех преступлениях, которые он и раскрыл... Сначала я проходила свидетелем... А теперь мне вот придумали статус „законный представитель“. Обычно он бывает у детей или недееспособных, а я вот представляю в суде мертвого сына, он – подсудимый. Правда, даже не представляю, чего они от меня хотят. Может, мечтают увидеть в клетке, а может, ждут, что я сына оговорю...»¹.

Случай не праздный, да и вопрос актуальный. Даже с точки зрения состязательности УПК РФ не подразделяет свидетелей на две группы – свидетелей защиты и свидетелей обвинения (фактически это все-таки происходит при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или постановления, но не надо забывать, что одно и то же лицо может выступать и в том, и другом качестве). А может ли умерший обвиняемый иметь защитника? Ведь с его смертью его правоспособность прекратилась (п. 2 ст. 17 ГК РФ), да и в чисто гражданско-правовом смысле правопреемство умерших физических лиц в данном случае невозможно, так как их процессуальные права не входят (и не могут входить) в состав наследственной массы.

Здесь возможно только правопреемство процессуальное, по аналогии с умершим потерпевшим (ч. 8 ст. 42 УПК РФ) – к одному из близких родственников. Но это вовсе не оз-

начает правопреемства субъекта преступления, влекущего фактическую замену одного из элементов состава преступления. В механизме уголовно-правового регулирования нет (и не может быть) таких конструкций, в которых элементы одних подменяют элементы других, иначе нельзя было бы говорить о координации материальных и процессуальных конструкций внутри механизма и о его межотраслевой природе. Если же сделать такое допущение, то получится, что близкого родственника, настаивающего на продолжении производства по делу, при неблагоприятном исходе можно признать виновным в совершении преступления, назначить ему наказание и отправить его отбывать. К счастью для него, уголовно-процессуальная форма исключает подобный исход, т. е. материально-правовое преемство.

В связи с этим необходимы две оговорки.

Первая. В этой ситуации допустимо провести аналогию с ч. 6 ст. 247 УПК РФ, когда при защите отсутствующего подсудимого участие защитника в судебном разбирательстве признается обязательным и суд принимает меры по его назначению.

Вторая. Применение по аналогии ч. 8 ст. 42 УПК РФ не должно означать, что правоприменителю необходимо одного из близких родственников признавать подсудимым, однако указанным лицам должны быть обеспечены права, которыми обладал бы подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), ибо непредоставление возможности отстаивать в уголовном процессе свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами означало бы умаление чести и достоинства личности самим государством (Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П).

В силу принципа презумпции невиновности, как он определен в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, виновность лица в совершении преступления, равно как и его невиновность, должна быть доказана не в произвольном, а лишь в предусмотренном федеральным законом порядке, т. е. подлежит установлению исключительно в рамках уголовно-процессуальных отношений. Соответственно защита прав и законных интересов близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), имеющая целью его реабилитацию, также должна осуществляться в уголовно-процессуальной форме путем предоставления им необходимого правового статуса и вытекающих из него прав.

Конституционный Суд РФ обязал федерального законодателя внести в правовые нормы «изменения, направленные на обеспечение государственной, в том числе судебной, защиты чести, достоинства и доброго имени умершего

¹ Молчаливое соучастие // Новая газета на Урале. 2012. 22 окт.

подозреваемого (обвиняемого) и прав, вытекающих из принципа презумпции невиновности, в том числе конкретизировать перечень лиц, которым, помимо близких родственников, может быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, процессуальные формы их допуска к участию в деле и соответствующий правовой статус, предусмотреть особенности производства предварительного расследования и судебного разбирательства в случае смерти подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), а также особенности решения о прекращении уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию» (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П).

Между тем думается, что законодатель все-таки обозначил в уголовно-процессуальном законе данных субъектов как заинтересованных лиц (ч. 1 ст. 123, ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ), причем Конституционный Суд РФ в приведенном Постановлении именно так их и называет. Из системного толкования п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ косвенно, но все же вытекает система принимаемых итоговых процессуальных актов. Проблема видится в том, что современный правоприменитель не оперирует и не мыслит юридическими конструкциями, предлагаемыми доктриной, и Конституционный Суд вынужден указывать на их существование, обязывая законодателя прописать их в УПК.

Отметим, однако, что формулируя правовые позиции, которые в силу ст. 106 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются обязательным для всех без исключения результатом толкования, Суд одновременно указывает, что его правовые позиции «не могут быть использованы для обоснования продолжения органом уголовного преследования производства по уголовному делу, если оно не направлено на реабилитацию умершего подозреваемого (обвиняемого)» (п. 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 423-О-Р). Тем самым он поощряет случаи продолжения уголовного преследования умершего вопреки требованию п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратить уголовное дело и допускает возможность двойного толкования данной нормы.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон фактически умалчивает о возможности дальнейшего производства по уголовному делу в отношении иных – живых – соучастников совершенного деяния. Акцессорная теория соучастия, воспринятая уголовным законодателем, в самом общем случае предписывает, что если

нет исполнителя, то нет и организатора, подстрекателя или пособника. Иными словами, нет человека – нет и дела. Однако это не совсем так, точнее, совсем не так. Если уголовный закон «живость» обвиняемого интересует только в момент совершения преступления (ст. 9 УК РФ), то уголовно-процессуальный – в момент признания его таковым и совершения с его участием определенных процессуальных действий (ст. 4 УПК РФ). А потому если к моменту окончания предварительного расследования и направления дела в суд один из обвиняемых-соучастников, например исполнитель, умер, то это вовсе не означает, что дело подлежит обязательному прекращению и продолжить производство по делу в целях изобличения остальных живых соучастников нельзя, как это, в частности, было по уголовному делу в отношении Сергея Магнитского и Уильяма Браудера.

В этом смысле «закон Магнитского», принятый Конгрессом США, имеет совершенно определенные уголовно-процессуальные основания, когда представители законодательной власти иностранного государства, апеллируя к п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, фактически указывают российским органам уголовного судопроизводства, какое решение необходимо принимать по данному уголовному делу. Очевидно, если бы в п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по примеру наших таджикских коллег (см. абз. 7 ч. 1 ст. 27 УПК Республики Таджикистан 2009 г., который предусматривает прекращение возбужденного уголовного дела в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для установления невиновности умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам) содержалось указание на то, что продолжение производства по делу необходимо и в отношении других лиц, совершивших преступное деяние совместно с умершим, то, наверное, не было бы ни «закона Магнитского», ни жестко привязанного к нему ответа в виде «закона Димы Яковлева» (имеется в виду Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»)¹.

¹ Полагаем необходимым высказать свою позицию по поводу «закона Димы Яковлева», хотя это и не охватывается целями настоящей статьи. Думается, вполне достаточным в качестве ответной реакции на «закон Магнитского» было бы внести в Семейный кодекс РФ (например, в ст. 165) изменения, согласно которым усыновление российских детей иностранными гражданами невозможно, если у РФ не заключен международный договор с соответствующим государством и стороны не соблюдают принятые по нему

Ущербность позиции следствия по данному уголовному делу заставляет нас сделать еще одну принципиальную ремарку: уголовное преследование умерших недопустимо.

Во-первых, приговаривать умерших просто абсурдно (хотя некоторые страны так не считают: к примеру, согласно ч. 4 ст. 339 УПК Республики Таджикистан 2009 г. суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания, если к моменту постановления приговора наступила смерть подсудимого). Но как заметил герой булгаковского романа «Мастер и Маргарита», невозможно отправить Иммануила Канта на Соловки ровно по той же причине: он «уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя». Один из семи мудрецов Древней Греции Хилон утверждал: «О мертвых следует говорить или хорошо, или ничего».

Этого же мнения придерживается Верховный Суд РФ. Так, Президиум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 апреля 2009 г. № 21-П09 уточнил, что если дело в отношении некоторых лиц выделено в отдельное производство или прекращено в связи с их смертью, то в приговоре указывается, что преступление совершено совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий и с обязательным указанием оснований прекращения уголовного дела, если таковое имело место.

Несмотря на то что формально упомянутая правовая позиция Верховного Суда РФ касается только приговора, думается, она должна быть распространена по аналогии и на иные процессуальные решения и акты, содержащие описание преступного деяния или деяний с участием умершего (постановление о привлечении в качестве обвиняемых соучастников, обвинительное заключение и др.) и принятые после прекращения уголовного преследования в отношении него.

Именно так поступил следователь при вынесении по «делу Магнитского» постановления от 30 апреля 2010 г., указав, что содействие преступному сообществу за денежное вознаграждение.

Федеральное Собрание же решило прекратить действие заключенного 13 июля 2011 г. Соглашения между Россией и США о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (см. ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ), тем самым просто вычеркнув из правового поля десятки, а может, тысячи сирот, уже усыновленных гражданами США. ФС РФ прекрасно осознавало, что США до сих пор не ратифицировали ни Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., ни Конвенцию о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения) от 29 мая 1993 г.

гражданин обеспечил сотрудник Главного следственного управления при Главном управлении внутренних дел по Свердловской области, в отношении которого материалы уголовного дела выделены в отдельное производство. Фамилия этого сотрудника в постановлении не упоминается в полном соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1.

Вот почему вызывает недоумение, когда в СМИ появляется информация о том, что заместителем Генерального прокурора РФ утверждено обвинительное заключение в отношении умершего С. Магнитского и живого У. Браудера. Последний и инициировал принятие Конгрессом США «закона Магнитского», причем, как представляется, явно с целью избежать уголовной ответственности по российскому уголовному закону.

Уголовное преследование умерших недопустимо

Во-вторых, представляется очевидным, что производство по уголовному делу должно возбуждаться не иначе, как по событиям обозримого прошлого. Не случайно ведь существует понятие давности уголовного преследования. Весьма сложно представить, чего можно добиться от свидетеля при описании событий убийства членов царской семьи почти столетней давности и какова перспектива такого уголовного дела, когда очевидцев этих событий, как и самих потенциальных обвиняемых, уже не осталось в живых. Вместе с тем это не помешало Президиуму Верховного Суда РФ реабилитировать убитых *потерпевших* (!) следующим образом:

«Факт смерти Романова Н. А., Романовой А. Ф., Романовой О. Н., Романовой Т. Н., Романовой М. Н., Романовой А. Н. и Романова А. Н. установлен государственной регистрацией актов гражданского состояния и подтвержден имеющимися в материалах дела ксерокопиями свидетельств о смерти названных лиц...

О политических мотивах мер принуждения, примененных в отношении Романова Н. А. и членов его семьи, свидетельствует то, что решение о расстреле, принятое внесудебным органом государственной власти без проведения предварительного следствия и суда, было признано легитимным одним из высших органов государственной власти РСФСР – Президиумом ВЦИК. Более того, лица, принявшие решение о расстреле Романова Н. А. и членов его семьи,

а также исполнители данного решения не подвергались уголовному преследованию со стороны государства – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Из документов, исследованных судом, видно, что Романовы были лишены жизни не в результате совершения кем-либо уголовного преступления. Романов Н. А. и члены его семьи содержались под стражей и были расстреляны от имени государства. Применение такой репрессивной меры было обусловлено тем, что бывший российский император, его супруга и дети – члены Российского Императорского Дома, с точки зрения органов государственной власти РСФСР, по классовым, социальным и религиозным признакам представляли опасность для советского государства и политического строя.

Вопросы истории должны оставаться именно вопросами истории и не могут разрешаться уголовно-процессуальными средствами

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что Романов Н. А., Романова А. Ф., Романова О. Н., Романова Т. Н., Романова М. Н., Романова А. Н. и Романов А. Н. были подвергнуты политическим репрессиям и в связи с этим они подлежат реабилитации» (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 октября 2008 г. № 274-П08).

Интересно, что Генеральная прокуратура Российской Федерации 19 августа 1993 г. все-таки возбудила уголовное дело по факту убийства в 1918 г. членов семьи Романовых, а основными доказательствами виновности лиц, совершивших данное преступление, стали мемуары Н. К. Крупской, заключения знатока магии М. В. Скарятина, воспоминания и исследования историков Э. С. Радзинского, А. Н. Авдониной, П. Мульатули и др. Но это не помешало Следственному комитету при прокуратуре РФ в январе 2009 г. прекратить уголовное дело по факту гибели членов царской семьи в связи со смертью лиц, совершивших умышленное убийство. О допустимости подобных

доказательств история умалчивает, как умалчивает и о законности самого уголовного преследования давно умерших лиц, и о возобновлении расследования 21 августа 2007 г.

По аналогичному сценарию, хотя и в другой стране, развивается расследование событий штурма вильнюсской телебашни 13 января 1991 г. Так, в январе 2010 г. депутаты Сейма Литвы приняли резолюцию, в которой обязали правительство Литвы официально обратиться к России как к правопреемнице СССР с требованием выплатить компенсации семьям погибших и получивших ранения во время январских событий 1991 г. в Вильнюсе. Летом того же года Генпрокуратура Литвы возобновила их расследование, поставив задачу обеспечить привлечение к уголовной ответственности советских «виновников» трагедии, которые сейчас якобы «скрываются» в России и Белоруссии. 14 июля 2011 г. в Вене по инициированному Литвой европейскому ордеру на арест был задержан бывший заместитель начальника «Альфы» подполковник КГБ М. В. Головатов. Однако австрийское правосудие сочло доводы литовской стороны неубедительными, неконкретными и политизированными. По заявлению начальника уголовного отдела Министерства юстиции Австрии К. Пилначека они получили из Литвы всего лишь исторический очерк январских событий 1991 г. в Вильнюсе, который никак нельзя признать доказательством в пользу вины Головатова [Швед 2011].

Представляется очевидным, что вопросы истории должны оставаться именно вопросами истории и не могут разрешаться уголовно-процессуальными средствами. Еще один герой романа Булгакова «Мастер и Маргарита» утверждал, что ничего не стоит раздвинуть помещение «до черт знает каких пределов». Между тем совершенно недопустимо так раздвигать рамки уголовного судопроизводства, в том числе за счет изменения пределов действия уголовно-процессуального закона во времени и по кругу лиц. Подобное расширение пределов, как и распространение уголовного преследования в отношении умерших, может привести к непредсказуемым последствиям.

Список литературы

- Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 303 с.
- Козубенко Ю. В. Системные и антисистемные образования в межотраслевом механизме уголовно-правового регулирования. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. 400 с.
- Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 1997. 208 с.
- Уголовный процесс России. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. вузов и факультетов / под ред. В. З. Лукашевича. СПб.: Издат. дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2005. 704 с.

Уголовный процесс: учеб. / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.

Швед В. Н. Трибунал спецназа // URL: <http://www.specnaz.ru/articles/181/3/1472.htm>. 2011. 1 окт. (дата обращения: 02.07.2018).

Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: Изд-во БГУ, 1974. 144 с.

Алексей Дмитриевич Прошляков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: up@usla.ru.

Юрий Вячеславович Козубенко – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: up@usla.ru.

On Criminal Prosecution against Deceased Persons

The criminal proceedings against deceased persons are becoming increasingly relevant, however, the current criminal procedure law does not give a clear idea of the procedural status of such participants in criminal proceedings. The only mention is contained in paragraph 4 of part 1 of Article 24, as well as in part 8 of Article 42 and part 2 of Article 318 of Criminal Procedural Code (CPC) of the Russian Federation, and then only in connection with the death of the victim and private prosecutor. The structure of the corpus delicti developed in the criminal law dictates the coordination of the relevant elements in the structure of the subject of evidence provided for in Articles 73, 421, 434 of the Russian CPC.

The article discusses the interaction between these elements within the legal framework of the cross-sectoral mechanism of criminal law regulation, the summary of procedural succession of dead persons, opportunity of criminal proceeding regards dead accused, suspect persons, issues of court conviction of dead persons, issues of rehabilitation of deceased participants in criminal proceedings. The authors conclude that criminal prosecution against deceased persons is unacceptable. Furthermore, in any case criminal prosecution must concern crimes committed in the visible past. Historical matters must not become an object of a criminal proceeding.

Keywords: criminal prosecution, deceased persons, rehabilitation of deceased persons, procedural succession, corpus delicti, object of proof in a criminal case

References

Balakshin V. S., Kozubenko Yu. V., Proshlyakov A. D. (eds.) *Ugolovnyi protsess* [The Criminal Procedure], Moscow, Infotopik Media, 2016, 912 p.

Gorskii G. F., Kokorev L. D., El'kind P. S. *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The Problems of Evidences in the Soviet Criminal Procedure], Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1978, 303 p.

Kozubenko Yu. V. *Sistemnye i antisistemnye obrazovaniya v mezhotraslevom mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Systemic and Anti-Systemic Elements in the Inter-Branch Mechanism of Criminal Law Regulation], Yekaterinburg, Izd-vo UMTs UPI, 2018, 400 p.

Lukashevich V. Z. (ed.) *Ugolovnyi protsess Rossii. Osobennaya chast'* [The Criminal Procedure in Russia. Special Part], Saint-Petersburg, Izdat. dom Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 2005, 704 p.

Proshlyakov A. D. *Vzaimosvyaz' material'nogo i protsessual'nogo ugolovnogo prava* [Interrelation between Material and Procedural Criminal Law], Yekaterinburg, Izd-vo Gumanitar. un-ta, 1997, 208 p.

Shpilev V. N. *Soderzhanie i formy ugolovnogo sudoproizvodstva* [Contents and Forms of Criminal Proceedings], Minsk, Izd-vo BГУ, 1974, 144 p.

Shved V. N. *Tribunal spetsnaza* [Special Forces Tribunal], available at: <http://www.specnaz.ru/articles/181/3/1472.htm>. 1 Oct. 2011 (accessed: 02.07.2018).

Aleksey Proshlyakov – doctor of juridical sciences, professor, head of Department of criminal procedure, Ural State Law University (Yekaterinburg). 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: up@usla.ru.

Yurii Kozubenko – candidate of juridical sciences, associate professor of Department of criminal procedure, Ural State Law University (Yekaterinburg). 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: up@usla.ru.

Дата поступления в редакцию / Received: 09.07.2018

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 30.08.2018